

УДК 321.7

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

© М. В. Яковлев

Уфимский государственный нефтяной технический университет
Россия, Республика Башкортостан, 450062 г. Уфа, ул. Космонавтов, 8.

Тел.: +7 (347) 242 07 57.

E-mail: maxvuz@mail.ru

Статья посвящена определению и анализу ключевых факторов, определивших специфику идеальной модели российской демократии. Делается вывод о том, что в политической истории Новгородской и Псковской республик выкристаллизовались особенности российской демократии как механизма прямого политического участия граждан, действующих на основе солидарности как качественного состояния целостного сообщества, в котором объединяются воли различных политических акторов.

Ключевые слова: демократия, политический процесс, политические институты, политическая культура, политическое участие.

В последнее время дискуссия о российской демократизации выходит на новый уровень. Все больше исследователей склоняются к мнению, что масштаб, мощь, уникальность и сложность России диктуют необходимость применения особого теоретико-методологического подхода к анализу процессов ее демократических преобразований. Одной из составляющих такого подхода становится формулирование различных концепций российской демократии. В данной статье ставится задача определить и проанализировать ключевые социокультурные и исторические факторы, которые оказали существенное влияние на формирование специфик отечественной модели народовластия.

Политическая история российской демократии начинается в раннем Средневековье. Еще в VI в. известность получило высказывание византийского историка Прокопия Кесарийского о славянских племенах: «Эти народы... не управляются одним человеком, но издревле живут в демократии» [1]. Позднее немецкий хронист Титмар Мерзебургский, рассказывая о славянском племени лютичей, отмечал, что ими «никакой властитель единолично не управляет» [2].

Пожалуй, самые яркие примеры народовластия в российской истории – народное самоуправление Новгородской республики и Псковской вечаевой (феодальной) республики. Политические системы этих республика были практически идентичны, поэтому можно дать их анализ на примере Новгорода.

Как отмечает Михаил Геллер, «в Новгороде вече не переставало – до поглощения города Москвой в XV в. – набирать силу. В 1136 г. после восстания горожан против князя народное собрание – вече обрело полную власть, выбирая не только князя, но и архиепископа» [3, с. 73–75].

Новгородское вече делилось по трем социально-территориальным уровням: уличанское (улица), кончанское (конец – один из пяти районов Новгорода) и всенародное. По данным Валентина Янина, «в концах были свои веча, которые, в свою очередь, не составляют низшей ступени системы вечаевого

строения, поскольку известно и об уличанских вечаевах сходках. Возможно, демократичность состава вечаевах собраний увеличивалась от общегородского к кончанским и далее к уличанским» [4, с. 57]. На высшем уровне резолюции принимались двумя видами вечаевах: малым (собранием «300 золотых поясов») и всенародным, собиравшемся по особым поводам. Как пишет В. Л. Янин, малое вече состояло «из представителей привилегированного сословия, но его работа велась не за плотно закрытыми дверями, а под небом» [4, с. 59]. Речь идет о том, что обсуждение важных вопросов проходило не кулуарно, а коллегиально и открыто, демократически. В то время как бояре («золотые пояса») дискутировали, новгородцы стояли на улицах, которые примыкали к вечаевах площади, и выражали свое отношение, контролируя соблюдение общенгородских интересов. Здесь можно увидеть механизм согласования групповых интересов (кончанских), выражаясь в терминах плюралистической демократии.

Правом голоса на вече обладали граждане Великого Новгорода и Пскова. Михаил Тихомиров отмечает: «Вечаевах традиции Новгорода опирались на «черных людей»... основную массу новгородского населения» [5, с. 27]. Приведенная цитата дает представление о большом масштабе вечаевах, о том, что оно охватывало самые широкие массы граждан. Соответственно, можно сделать вывод о том, что к новгородскому народовластии имели доступ все заинтересованные граждане, что соответствует принципам прямой и партиципаторной моделям демократии.

Функции новгородского вечаевах были очень объемными. Вечаевах выбирало посадника из бояр, представлявшего интересы города, осуществлявшего исполнительную власть и взаимодействие с князем, выбирало тысяцких, которые от его имени командовали городским ополчением, исполняли контрольно-надзорные функции в торговой сфере. Вечаевах выбирало даже архиепископа, который обладал значительной властью, ведал казной, решал семейные споры, выступал в роли арбитра в период по-

литических кризисов [6, с. 55]. Таким образом, представители власти были избираемы и контролируемы, ни одно должностное лицо не концентрировало в своих руках максимальный объем власти. В этом измерении политическая система Великого Новгорода вполне соответствовала критериям демократии по Джованни Сартори: контролируемость, ограниченность, сменяемость власти [7, с. 120].

Есть свидетельства высокой организованности вечевых собраний. Как пишет В. Л. Янин, «вече кажетя многим историкам некоей вольницей, которая все вопросы государственного управления решала криком и потасовкой. Такие представления основывались на том, что вечевые собрания порой выливались в вооруженное столкновение разных концов города. При этом историки не учитывали, что вечевые собрания происходили ежегодно, а иногда и по нескольку раз в году, а столкновения группировок отмечались далеко не каждое десятилетие. Конечно, общественная жизнь в Новгородской республике была организована и регламентирована. И, в частности, выборы при широком распространении грамотности осуществлялись не криком, а подачей бюллетеней, подобных найденному на Неревском конце» [8, с. 157].

Еще одной особенностью политической системы Великого Новгорода и Пскова, свидетельствующей о ее демократической сущности, были договорные отношения: вече определяло объем полномочий институтов власти и характер взаимодействий между ними. Так, горожане и князь заключали договор – «ряд», причем князь сам должен добиваться высокого стола. Древнейший из договоров между князем и горожанами относится к 1264 г. и ставит своей задачей ограничение княжеской власти в Новгороде, урегулирование пошлин и повинностей, идущих в пользу князя [9]. Таким образом, в средневековой Руси в XII веке существовала официальная демократическая практика общественного договора.

Заканчивая анализ политической практики Новгорода и Пскова, необходимо отметить, что одной из ключевых особенностей демократии Средневековой Руси была общинность. Так, Вячеслав Тулупов указывает: «христианская общинность была стержнем Новгородской республики и характерным свойством новгородского этнического самосознания. Православная общинность являлась и основой новгородского народовластия» [10, с. 43].

Итак, в Новгороде и Пскове функционировал организованный демократический механизм, политическая дискуссия и принятия государственных решений осуществлялись на основе общинности. Сами принципы веча обсуждения согласуются с переговорной сущностью демократии по Данкварта Растоу [11, с. 15]. Кроме того, решение всех значимых вопросов на вече можно анализировать как процесс делиберации, а также как коммуникативную процедуру, которые посредством демокра-

тического выражения общественного мнения легитимизируют власть по Юргену Хабермасу [12, с. 391].

Исходя из общинной специфики, механизм народовластия Средневековой Руси может быть отнесен к органической модели демократии. Здесь необходимо прояснить значение термина «общинность». По мнению Федора Достоевского, общинность в целом – «одно из самых оригинальных и существенных отличий» русского народа [13, с. 266]. Общинность – характеристика преимущественно крестьянского сообщества древней, средневековой и новой России (до начала XX века), о ней было сказано выше.

Общинность и религиозный фактор стали основой более широкого и глубокого феномена российской политической культуры – соборности, которая во многом определила специфику идеальной модели российской демократии. Алексей Хомяков определял соборность как «единство по благодати Божией, а не по человеческому разумению» [14, с. 217]. Федор Достоевский, рассуждая о соборном начале России, подчеркивал: «Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присутствующую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова... Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасается лишь в конце концов всесветным единением во имя Христова. Вот наш русский социализм... Кто не понимает в народе нашем его православия и окончательных целей его, тот никогда не поймет и русского...» [15, с. 19].

Всебратское единение соборности – это не простое слияние личности и общества, не растворение человека в коллективе, не какое-то стадное чувство, как ошибочно склонны интерпретировать соборность многие современники. Соборность – это качественное состояние целостного сообщества, в котором каждая индивидуальность так же целостна, самостоятельна, ценна, как и окружение, не противостоит окружению, а объединяется с ним, приобретая еще большее значение среди себе подобных. Немецкий мыслитель и историк Вальтер Шубарт по этому поводу указывает, что «русский не является человеком массы, он высоко ценит свободу человеческой личности... Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, в России – всечеловек. Сверхчеловек стремится высь из жажды власти, всечеловек идёт вширь из чувства любви» [16, с. 79]. Интересно отметить, что В. Шубарт считает соборность русских людей проявлением демократии: «Если он (русский – прим. авт.) смотрит на ближнего своего, он видит в нем не врага, а брата. Он верит в естественную доброту ближнего вплоть до доказательства противоположного... Чувство братства делает русскому жизнь много легче и выносимее, чем европейцу с его инстинктом борьбы, грабительства и конкуренции... Сколь братским является обычай называть друг друга не по титулам и звани-

ям, а по имени и отчеству. Это признак подлинного и внутреннего демократизма» [15, с. 76]. Таким образом, в специфике российской политической культуры и менталитета можно найти подтверждение идеям Жана-Жака Руссо о коллективной воле и общественном договоре, на котором базируется прямое демократическое управление [17, с. 208]. Соборность россиян можно интерпретировать как общественный договор по Ж.-Ж. Руссо, как важный специфический элемент, который наложил свой отпечаток на процесс российской демократизации и на сам концепт демократии.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие основные выводы. На протяжении всего периода развития древние славяне осуществляли правление на подвластных территориях в форме прямой демократии, используя механизм вечевых собраний. Впоследствии традиции вечевых собраний легли в основу прямой общинно-соборной демократии Великого Новгорода и Пскова.

Основными демократическими институтами республик Великого Новгорода и Пскова являлись многоуровневое организованное народное собрание – вече – как высший законодательный и контролирующий орган, договорные отношения с верховным правителем – князем, выборы должностных лиц (посадники, старосты, тысяцкие), Совет господ как высший исполнительный и совещательный орган государственной власти, куда входили наиболее авторитетные и ответственные представители псковичей и новгородцев. Существенной особенностью политических систем обеих республик было нечеткое разделение законодательной, судебной и исполнительной властей. В отличие от протективной модели демократии, массовое политической участие не было ограниченным. Политические решения принимались на основе идеи соборности («великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения» как общественного договора) в процессе переговоров, консультаций, широкой общественной дискуссии и процедуры голосования (сначала криком, затем – бюллетенями) по мажоритарному принципу, что делало политические системы двух республики открытыми для самого широкого политического участия граждан.

Таким образом, Россия имеет собственную, исторически сложившуюся модель демократии, в которой отражаются ее социокультурные специфики. Положения теории Ж.-Ж. Руссо о коллективной воле и механизме прямого и непосредственного участия в рамках общественного договора (как собора), переговорная модель демократии, описанная Д. Растоу, основания делиберативных процедур Ю. Хабермаса, а также принцип общины как политического актора органической демократической теории довольно точно описывают сущность российской демократической модели.

Рассматриваемая демократическая модель вполне встраивается в современные системы стандартов народовластия. Так, она подходит под критерии Р. Даля: контроль над действиями правительства со стороны выборных должностных лиц, свободные и честные выборы, всеобщее избирательное право (возможность избирать и быть избранным), свобода слова, альтернативное информирование, независимость самоорганизации [18, с. 43].

Данная модель соответствует и критериям Сэмеюэля Хантингтона. Во-первых, – минимальному критерию выборов должностных лиц: старост, тысяцких, посадника. Во-вторых, выборные лица, принимающие решения, не обладали тотальной властью, так как разделяют власть с другими группами в обществе. В-третьих, созданные демократические системы были не долговечными по причине низкой жизнеспособности по сравнению с властью московских князей. Кроме того, существовало избирательное соревнование и широкое участие в голосовании [19, с. 19–22].

Так в политической истории Новгорода и Пскова сформировались особенности идеальной модели прямой российской демократии на основе соборности как качественного состояния целостного сообщества, в котором интегрируются политические инициативы различных участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Procopii Caesariensis De bellis libri V–VIII // Opera omnia. Leipzig, 1963. Vol. II. P. 1422.
2. Jedlicky M. Z. Kronika Thietmara / Poznań, 1953. 622 s.
3. Геллер М. Я. История Российской империи. В трех томах. Том I. М.: МИК, 1997. 448 с.
4. Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: К постановке проблемы // История СССР. 1971. №2.
5. Тихомиров М. Н. Великий Новгород в истории мировой культуры // Новгород: к 1100-летию города. В 4 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1964. 576 с.
6. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.
7. Sartori G. Democrazia e definizioni. Bologna-Milano, 1972. 331 p.
8. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М.: МГУ, 1975. 164 с.
9. Романова А. И. Демократия и общественный порядок Великого Новгорода // Мир права. 2002. №1.
10. Тулупов В. Г. Русь Новгородская. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. 288 с.
11. Растоу Д. Переходы к демократии: попытки динамической модели // Полис. 1996. № 5.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 419 с.
13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1980. 507 с.
14. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1907. Т. 2. 301 с.
15. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1980. 459 с.
16. Шубарт В. Европа и душа Востока // Посев. 1974.
17. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / Пер. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М.: Терра, 2000. 542 с.
18. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
19. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

Поступила в редакцию 28.01.2013 г.